

Да, сегодняшний «псих» не носил кольца. Когда он схватил Янь Цзюньсюня за руку, тот сразу заметил, что на его пальцах даже не было следов от кольца. Он был не тем, кто стоит за кулисами, а скорее брошенной бомбой, успешно взбаламутившей воду.

Псих позвонил сразу после ужина, это был его последний приём пищи. Он не жил в деловом районе, в разговоре он размахивал руками, чтобы его местоположение обнаружили. От тщательно отобранных жертв до сегодняшнего хаоса — всё это составляло замкнутый круг.

— Завтра утром взорвётся скандал, — Янь Цзюньсюнь почувствовал сонливость в головокружении. — На площади он упомянул «Чёрную пантеру» и Фу Чэнхуэя, а также сказал, что система будет править миром.

Всё это было искрой для Зоны Тинбо, ключевым моментом стало то, что он скопировал внешность Янь Цзюньсюня, что напомнило ему о недавней утечке информации.

Если бы Су Хэтин вовремя не отключил системное наблюдение, псих, возможно, показал бы это лицо на экране, и Янь Цзюньсюнь больше не смог бы избежать обвинений общественности. Поскольку слова «Чёрная пантера», «социопат» и «система» связались вместе, даже если Фу Чэнхуэй и Инспекционное бюро смогут доказать, что псих не имеет отношения к Янь Цзюньсюню, это будет воспринято как отговорка для народа. Страх перед «Чёрной пантерой» и Фу Чэнхуэем в развивающихся регионах Альянса невозможно изменить в короткие сроки, а политический имидж Фу Чэнхуэя никогда не был дружелюбным. К этому моменту Янь Цзюньсюнь уже понял, что дело вышло за рамки его юрисдикции.

По сравнению с Фу Чэнхуэем, Янь Цзюньсюня больше беспокоили слова, которые кричал псих. Он сказал: «Я не первый и не последний». Что это значит? Могут ли быть второй, третий такие безумцы?

— Он знал кое-что об Артемиде, — Янь Цзюньсюнь закрыл глаза, снова и снова вспоминая, как псих покончил с собой. — И знал что-то обо мне.

Подделка, сточная канава, притворство.

В ушах Янь Цзюньсюня звучал дождь. В последнее время этот звук появлялся слишком часто, словно намекая, что он теряет контроль. Он пытался заглушить звук дождя шумом пищащей на доске мела, но информация в его голове была слишком объёмной, сжимая его, не давая справиться с эмоциями.

Это твоя участь.

Псих приставил пистолет, как кошмар, повторяя:

Янь Цзюньсюнь, это твоя участь.

— Бам!

В холле вдруг разбился стакан, звук громыхнул в ушах Янь Цзюньсюня, и он мгновенно очнулся. Внезапное пробуждение ударило по груди, заставив сердце биться быстрее.

Ши Шаньянь разгрыз леденец, посмотрев в сторону холла.

— Что случилось? — вышел из комнаты Цзян Лянь.

На центральном световом экране появилось видео, увеличенное изображение знакомого подвала.

— Почему ты лжёшь?

Рука в резиновой перчатке прижала голову Лю Чэня к камере, это был женский голос.

— Как ты мог солгать в новостях!

— Десять минут назад это видео появилось в чате Лю Чэня и было распространено множеством аккаунтов, — Цзюэ сообщил Цзян Ляню. — Нам нужно немедленно принять меры, чтобы остановить распространение видео и найти Лю Чэня до того, как она начнёт действовать.

Кадры были размыты, как и в случае с Хо Цинцзюнем. Лицо Лю Чэня было прижато к камере, он только что очнулся от потери сознания.

— Вы убили Хо Цинцзюня, — женщина подняла голову Лю Чэня, чтобы он смотрел в камеру. — Ты самый плохой, ты и Хэ Чжиго, — её непостижимая ярость выплеснулась в этот момент. — Вы вместе убили меня, убили мою дочь, убили Хо Цинцзюня! Вы не люди!

Камера упала на пол, видео оборвалось, словно его затоптали.

Янь Цзюньсюнь увидел на застывшем кадре обувь, старые кроссовки, грязные, мало стиранные, размер больше обычного женского, скорее мужской.

В голове Янь Цзюньсюня катались стальные шарики, они сталкивались друг с другом, соединяясь в чёткую линию.

Его предположение было абсолютно верным — это она!

— Разбудите Чэн Лисиня, — встал Янь Цзюньсюнь. — Он точно знает эту женщину.

В 2147 году Чэнь Сюлянь было 20 лет, она уже работала на заводе. В её семье было четверо детей, старший брат учился, и мать отправила её работать. Она проработала на заводе два года, была популярна, потому что была не только красива, но и расторопна, только слишком высокая, поэтому долго не могла найти парня.

Мать водила Чэнь Сюлянь на свидания. Она ходила несколько раз, сидела на стуле, как свежесобранные овощи, её рассматривали и выбирали. Чэнь Сюлянь считала, что у неё есть навыки, она могла трудиться, не хотела терпеть унижения и больше не ходила. Мать нервничала, тащила её, но она не поддавалась.

В том же году на завод пришли новые работники, среди них был Хэ Чжиго, симпатичный парень, любивший веселиться. Кто-то познакомил Чэнь Сюлянь с Хэ Чжиго на ужине. Первое впечатление у неё было хорошее, она была застенчивой, краснела при разговоре, а Хэ Чжиго не только разряжал обстановку, но и всегда заботился о ней. Они постепенно сблизились, каждый раз, когда Чэнь Сюлянь задерживалась на работе, Хэ Чжиго оставался с ней, когда она болела, он проявлял заботу.

Но Хэ Чжиго по какой-то причине никогда не говорил о том, чтобы официально начать отношения, когда его спрашивали, он только глупо улыбался, не отрицая. Чэнь Сюлянь думала, что им нужно больше времени, чтобы лучше узнать друг друга. Через полгода, на день рождения Хэ Чжиго, он устроил ужин, на котором напоил Чэнь Сюлянь. Когда вечеринка

закончилась, она хотела уйти с подругой, но Хэ Чжигу сказал, что он не пьян и может отвезти её домой, но в итоге привёз к себе.

Чэнь Сюлянь никогда не забудет ту ночь. Она хотела домой, Хэ Чжигу сказал нет, она была настолько пьяна, что не могла стоять, не могла открыть дверь, Хэ Чжигу полуобнял её, полуволок. Она повторяла: «Я хочу домой», Хэ Чжигу сначала отвечал, а потом перестал. Он затащил её в комнату, бросил на кровать. Позже Чэнь Сюлянь вспоминала, что её память оборвалась здесь, от картинки осталась только боль. Перед глазами осталась только лампа в съёмной комнате Хэ Чжигу.

На лампе висела мёртвая муха, качаясь.

Чэнь Сюлянь почувствовала тошноту, она не могла терпеть, кричала в борьбе и избиении. Позже она бесчисленное количество раз видела во сне ту мёртвую муху, словно это она ползала по её телу. Она теряла сознание и приходила в себя, протрезвела, осталась только боль.

Чэнь Сюлянь поняла, как долга может быть ночь. На рассвете она думала, что всё закончилось, но спустя много времени поняла, что это было началом.

Чэнь Сюлянь свернулась в углу кровати и сказала Хэ Чжигу:

— Я вызову полицию.

Хэ Чжигу бросил бумагу на пол и ответил:

— Ты больная? Мы в отношениях, секс был по обоюдному согласию, это не преступление.

Чэнь Сюлянь не верила, она пришла с синяками в местное Инспекционное бюро и сказала: «Меня изнасиловали, я хочу подать в суд на Хэ Чжигу». Члены бюро были знакомыми, один из них повернулся и посмотрел на неё: «Ты на кого подаёшь? Ты же уже давно с Хэ Чжигу». Чэнь Сюлянь сказала: «Мы не вместе», но никто не слушал её. Она сидела в бюро с утра до вечера. Хэ Чжигу пришёл за ней, взял её за руку и сказал: «Ты всё ещё дуешься?» Мать тоже пришла, взяла её за руку и сказала: «Иди домой, поругайся с ним».

Чэнь Сюлянь почувствовала, что мир стал таким маленьким, за одну ночь все взяли её за руку. Они говорили, что могут понять, что всё так и есть, что если ты не хотела, зачем пошла с Хэ Чжигу? Если ты не хотела, зачем пошла на его день рождения? Если ты не хотела, почему не сопротивлялась?

Почему ты не сопротивлялась?

Почему, чёрт возьми, ты не сопротивлялась?

Чэнь Сюлянь хотела кричать, орать, истерически бушевать! Она хотела разорвать эти одинаковые лица, чтобы увидеть, кто скрывается под ними — люди или демоны. Но она ничего не могла сделать, она только вырвала свою руку, указала на Хэ Чжигу и сказала: «Я подаю на него за изнасилование».

Хэ Чжигу встал на колени перед Чэнь Сюлянь, словно она только что сделала признание в любви, и он был так тронут, что плакал, предлагая жениться на ней. Мать снова взяла её за руку и с жалостью сказала: «Моя дочь просто упряма, молодые пары часто ссорятся».

<http://bllate.org/book/16220/1456937>